

Диана Фурсова

The background of the cover is a dramatic illustration. In the upper left, a large, multi-towered castle sits atop a rocky peak. A massive dragon with dark scales and glowing orange eyes is breathing fire towards the center. In the foreground, a woman with long brown hair, wearing a white doctor's coat over a green top, holds a small blue glowing orb. A stethoscope is around her neck. Next to her is a man with long silver hair, wearing ornate dark armor with a red cape. In the bottom left, there is a brown medical bag with a white cross, several rolled-up scrolls, and a stack of books. In the bottom right, a sword with a silver hilt and a dark blade lies on the ground. The overall scene is set against a backdrop of fire and smoke, suggesting a battle or a magical event.

Врач-Попаданка
Невольная жена
дракона Генерала

Диана Фурсова

Врач-попаданка. Невольная жена генерала-дракона

<https://litres.ru/74205783>

Аннотация

Я была врачом скорой помощи — пока не умерла на дежурстве и не очнулась в теле женщины, которую здесь ненавидят все.

Теперь я — Элирия Вархейм, невольная жена генерала-дракона Рейнара Вархейма. В ту же ночь на него совершают покушение, а окровавленный нож находят рядом со мной. Для этого мира я — главная подозреваемая. Для него — женщина, которой нельзя доверять.

Но я врач. И когда мой муж истекает кровью у меня на глазах, я спасаю его — вопреки страху, ненависти и чужим тайнам.

Только вместе с его жизнью я спасаю и собственную... потому что древняя клятва связывает нас крепче смерти.

Теперь мне предстоит выжить в доме, где каждый улыбается и лжёт, разоблачить заговор против генерала-дракона, очистить имя женщины, в чьём теле я оказалась, и не позволить сердцу поверить тому, кого я должна была бояться.

Он — опасный, властный, раненый генерал-дракон. Я — попаданка, которую хотели сделать удобной виновной. И если мы не станем союзниками, нас обоих уничтожат.

Содержание

Глава 1. Проснуться в теле обвинённой	4
Глава 2. Пациент, который должен был умереть	29
Глава 3. Невольная жена	49
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Глава 1. Проснуться в теле обвинённой

Алина поняла, что умирает, не в тот миг, когда застонал под её руками чужой пациент, и не тогда, когда водитель скорой, выругавшись сквозь зубы, рванул руль в сторону, уходя от грузовика на скользком перекрёстке.

Она поняла это по странной, почти оскорбительной тишине.

Ещё секунду назад мир был из голосов, сирены, рваного света фонарей, запаха крови, мокрой ткани, дешёвого освежителя в салоне и пота, вьёвшегося в воротник формы. Молодой фельдшер у неё за спиной что-то кричал — кажется, про давление. Пациент хрипел. Машину трясло. У Алины ныли запястья и ломило поясницу после шестнадцатичасовой смены. В глазах то темнело, то вспыхивало белым.

А потом всё разом оборвалось.

Тишина пришла такой плотной, что у Алины заложило уши.

Она даже не сразу поняла, что больше не держит чужую грудную клетку, не отсчитывает компрессии, не думает о том, сколько ещё можно отыграть у смерти. Тело провалилось куда-то вниз, как будто вместе с машиной сорвалось под лёд, но страха не было. Только тяжесть, вязкая, как чёрная

вода, и странное чувство, будто её наконец отпустили.

«Ну вот и всё», — устало подумала она без паники, без слёз, без громких последних мыслей.

И в ту же секунду кто-то ударил её по щеке.

Алина рвано вдохнула и закашлялась.

Воздух ворвался в лёгкие не привычной больничной прохладой, а густым, тёплым запахом воска, дыма и чего-то сладкого, приторного, почти удушающего. Её горло обожгло. Голова раскалывалась так, будто череп кто-то изнутри раздвигал пальцами. Она дёрнулась, пытаясь поднять руку, и не смогла.

На запястьях что-то звякнуло.

— Госпожа! — женский голос сорвался на шёпот и тут же на визг. — Госпожа, очнитесь, ради всех святых!

Алина открыла глаза.

Первое, что она увидела, — тяжёлый балдахин цвета старого вина, низко нависший над постелью. Ткань была настолько плотной и богатой, что взгляд сперва зацепился именно за неё, отказываясь принимать остальное. Потом проступили резные столбики кровати, золотистый отблеск канделябров, тёмное дерево, тени на стенах.

И женщина.

Совсем молодая, бледная до синевы, в чепце и сером платье, с руками, судорожно сжатыми у груди. Лицо у неё было не просто испуганное — искажённое настоящим животным ужасом.

Алина моргнула, ещё раз, медленно, пытаясь склеить расползающийся мир.

Не вышло.

Вместо белого потолка станции скорой помощи — какой-то чужой, почти театральный полумрак. Вместо жёсткого матраса — мягкая постель, слишком широкая, слишком дорогая. Вместо привычной тяжести собственного тела — ломота, которая была и знакомой, и совершенно чужой. Бёдра казались шире, грудь — выше, пальцы — длиннее. Даже волосы, прилипшие к шее, были другими: тяжёлыми, слишком длинными.

Она уставилась на свою руку.

Тонкая. Белая. На безымянном пальце тёмно-красный камень в массивной оправе. Ногти ухоженные, овальные, слишком красивые для человека, который полчаса назад — или вечность назад? — вдавливал ладони в грудную клетку умирающего мужика в облеванном свитере.

Алина резко села.

Голову тут же прошила боль. Перед глазами вспыхнули искры, желудок судорожно сжался. Она ухватила за край постели, не давая себе упасть.

— Воды, — хрипло сказала она и осеклась.

Это был не совсем её голос.

Ниже. Мягче. С чужой грудной хрипотцой, будто до этого женщина долго кричала или плакала.

Служанка метнулась к столику так поспешно, будто ей ве-

лели бежать из горящего дома. Кубок звякнул о кувшин. Вода расплескалась на поднос.

Алина поймала своё отражение в высоком зеркале напротив кровати — и перестала дышать.

Из сумрака на неё смотрела незнакомка.

Слишком белая кожа, словно подсвеченная изнутри свечным огнём. Высокие скулы. тёмные, почти чёрные волосы, спутанные после сна или борьбы. И глаза — не её. Большие, вытянутые к вискам, серо-зелёные, с золотыми искрами у зрачка. Красивое лицо, породистое, холодное, из тех, на которые люди сначала смотрят с восхищением, а потом с опаской.

Лицо женщины, привыкшей приказывать. Или ненавидеть.

— Где я? — тихо спросила Алина.

Служанка замерла с кубком в руках и уставилась на неё так, будто это был не вопрос, а новое безумие.

— В ваших покоях, госпожа, — пробормотала она. — В западном крыле... во дворце генерала. Вы... вы не помните? Дворце.

Генерала.

Алина взяла кубок, хотя пальцы дрожали. Вода оказалась ледяной, с металлическим привкусом. Она выпила жадно, пролив несколько капель на подбородок.

Память пришла не сразу. Не как плавное возвращение, а как удар в висок.

Чужой смех.

Запах духов.

Кольцо на пальце.

Чьи-то злые шепоты за дверью.

Имя — Элирия.

Ещё удар.

Свадьба. Зал, полный света и презрения. Мужчина в чёрном мундире с серебряным шитьём, высокий, неподвижный, красивый так, что на него больно смотреть. Холод в золотых глазах. Чужая ладонь в его руке. Ни слова. Ни улыбки.

Ещё.

Чей-то голос прямо в ухо: «Сегодня ночью. Иначе будет поздно».

Нож.

Кровь.

Алина согнулась пополам, выронив кубок. Металл глухо ударился о ковёр. Служанка вскрикнула и бросилась к ней, но Алина выставила ладонь, останавливая.

— Не трогай.

Сказано было резко, почти автоматически. Девушка отшатнулась.

Алина зажмурилась и медленно втянула воздух. Паника подкатила к горлу, острая и ледяная, но за годы на скорой она научилась главному: истерика не лечит, не спасает, не помогает думать. И если сейчас она сорвётся, лучше не станет.

Она умерла.

Или почти умерла.

Или...

Нет. Варианты про кому, галлюцинации, кислородное голодание и остаточные вспышки умирающего мозга выглядели бы убедительнее, если бы простыня под пальцами не была такой шершавой, если бы боль в висках не пульсировала так реально, если бы в груди не жило это невозможное, чужое знание.

Элирия.

Леди Элирия Вархейм.

Жена генерала.

Ненавидимая всеми.

— Что произошло? — спросила Алина, открывая глаза.

Служанка дрогнула.

— Вы... вернулись из северной галереи, госпожа. Одна. Велели никого не пускать. Потом я услышала шум... а после крик. И...

Она осеклась, глядя куда-то ниже.

Алина проследила за её взглядом.

На подоле тёмно-синего платья, сбившегося на коленях, расплывались бурые пятна.

Кровь.

Не старая. Свежая, только начавшая темнеть.

Холод пробежал у неё вдоль позвоночника.

— Чья? — тихо спросила она.

Служанка побелела ещё сильнее.

— Г-госпожа...

Дверь распахнулась с таким грохотом, что обе вздрогнули.

В комнату вошли сразу трое мужчин.

Первый — в форме дворцовой стражи, с рукой на мече. Второй — пожилой, в тёмной мантии, с сухим птичьим лицом и цепким взглядом лекаря или судьи. Третий был молод, светловолос, красивый той правильной, беспощадной красотой, которая редко идёт добрым людям. На его плаще темнел герб — дракон, сжимающий копьё.

Он вошёл первым, как человек, привыкший открывать любые двери без спроса.

И посмотрел на неё так, словно перед ним сидела не хозяйка комнат, а змея, чудом заговорившая человеческим голосом.

— Леди Вархейм, — произнёс он. — Какая неожиданная живучесть.

Служанка тут же опустилась на колени, едва не ударившись лбом о пол. Алина осталась сидеть.

Инстинкт подсказал: встать сейчас — показать слабость. Опустить глаза — тоже.

Она медленно расправила плечи и посмотрела прямо на вошедшего.

— А вы, должно быть, явились с соболезнованиями? — спросила она.

Слова вышли сами. Слишком острые. Не совсем её, но и уже не вполне чужие.

Светловолосый мужчина на миг замер, будто не ждал ответа в таком тоне. Потом его рот дёрнулся.

— У вас удивительно хорошее настроение для женщины, которую вот-вот обвинят в убийстве.

Служанка пискнула.

Алина не шевельнулась.

Внутри всё сжалось в тугой узел, но лицо осталось спокойным.

— Если хотите обвинять, — сказала она, — начните с того, чтобы объяснить, кого именно я якобы убила.

Тишина после этих слов стала вязкой.

Пожилой мужчина отвёл взгляд. Стражник нахмурился. А светловолосый шагнул ближе.

— Генерал Рейнар Вархейм при смерти, — произнёс он негромко. — Его нашли в северной галерее. С ножевой раной. Рядом — вас. С оружием в руках.

Слово «вас» прозвучало как плевок.

В памяти Алины снова вспыхнуло: каменный коридор, тяжёлое дыхание, чёрный мундир на полу, чужая кровь на пальцах. Но картинка была рваной, неполной. Слишком мало. Недостаточно, чтобы понять.

— Он жив? — спросила она прежде, чем успела подумать.

И тут впервые увидела, что удивление бывает не только на женских лицах.

Светловолосый мужчина сузил глаза.

— Какая трогательная забота.

— Он жив? — повторила Алина.

— Пока да, — сухо ответил пожилой. — Но ненадолго, если не случится чуда.

Врачебный инстинкт оказался быстрее страха.

— Мне нужно к нему.

В комнате стало так тихо, что слышно было, как трещит фитиль в ближайшей свече.

Светловолосый мужчина расхохотался коротко и безрадостно.

— Вот это наглость. Вы действительно решили довести дело до конца собственными руками?

— Если бы я хотела его убить, — сказала Алина, — я бы не спрашивала, жив ли он.

— Вы можете лгать.

— Могу. Но сейчас не лгу.

Он сделал ещё шаг. Теперь между ними оставалось меньше вытянутой руки. От него пахло холодом улицы, кожей и злостью.

— Вы не подойдёте к нему, — процедил он. — Никогда больше.

Алина подняла глаза на пожилого мужчину.

— Вы лекарь?

Тот помедлил, но кивнул.

— Главный лекарь дома Вархеймов.

— Тогда ответьте честно. Вы уже сделали всё, что могли?
Сухое лицо дёрнулось.

Значит, да.

Значит, почти ничего не помогло.

— Какая у него рана? — быстро спросила Алина. — Куда ударили? Глубина? Кровопотеря? Он в сознании? Лихорадка? Судороги? Дыхание ровное?

С каждым словом лица мужчин менялись.

Сначала — раздражение.

Потом — недоверие.

Потом — то особое замешательство, которое появляется, когда человек ждёт от тебя одного, а получает совсем другое.

— Откуда вы... — начал лекарь и замолчал.

Потому что правильного ответа здесь не было.

Алина и сама не могла его дать.

Она не была этой женщиной. Но она была врачом. И если где-то за этими дверями истекал кровью живой человек, она не могла сидеть на постели и ждать, пока её поведут на казнь.

— Либо вы ведёте меня к нему, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — либо потом всю оставшуюся жизнь будете думать, что дали ему умереть из-за своей ненависти ко мне.

Светловолосый резко схватил её за локоть.

Не слишком сильно, но с такой яростью, что служанка ахнула.

— У вас не будет оставшейся жизни, Элирия.

Имя, сказанное им, прозвучало как приговор.

Алина вскинула подбородок.

— Тогда вы ничего не теряете.

Их взгляды сцепились.

Она не знала, кто он. Брат? Друг? Соратник генерала? Но знала точно: этот человек ненавидел Элирию давно, глубоко и не без причин. И всё же за злостью в его глазах сейчас жил другой страх — не за справедливость, не за честь рода, а за того, кто умирал по ту сторону стен.

Он боялся потерять Рейнара.

И это был единственный мост, по которому она могла сейчас перейти.

Пожилой лекарь кашлянул.

— Милорд Кайден... возможно, стоит...

— Нет.

— Если генерал всё равно умирает, — тихо, но твёрдо сказал старик, — лишняя пара рук уже не изменит худшего. А если... если леди действительно заметила что-то, чего не заметили мы...

Кайден резко повернулся к нему.

— Вы в своём уме?

— Я в том возрасте, милорд, когда предпочитаю сомнение упрямству.

Несколько секунд никто не двигался.

Потом Кайден медленно разжал пальцы на её локте.

— Хорошо, — проговорил он так, будто каждое слово ца-

рапало ему горло. — Вы пойдёте. Но если это ловушка, если вы попытаетесь хоть что-то...

Он не договорил.

Не нужно было.

Алина уже встала с постели. Ноги слегка подломились — не от страха, от слабости чужого тела, непривычного и будто несколько часов назад пережившего сильнейший удар. Она ухватилась за резной столбик кровати и выпрямилась.

— Мне нужен чистый стол, горячая вода, крепкий свет, иглы, нити, ткань и всё спиртное, какое есть в доме, — сказала она на ходу.

Мужчины уставились на неё, как на безумную.

— Спиртное? — переспросил лекарь.

— Крепкое, — отрезала Алина. — Не для него. Для рук, игл, ткани. И ещё ножницы. Если у вас есть что-то для обезболивания — хорошо. Если нет, не тратьте время.

Кайдэн мрачно усмехнулся.

— Она и правда сошла с ума.

— Можете обсудить это позже, — бросила Алина.

Они вышли в коридор.

И мир окончательно перестал быть сном.

Длинная галерея тянулась в обе стороны под сводчатым потолком. По стенам шли тёмные панели, между которыми висели гобелены с драконами, битвами и гербами. Пол блестел от полировки. Воздух был холоднее, чем в спальне. Где-то далеко звучали торопливые шаги, приглушённые голоса,

звон металла.

Дворец жил тревогой.

Им попадались люди — слуги, стража, женщины в дорожных платьях, — и каждый, увидев Алину, отшатывался или застывал. Кто-то поспешно кланялся, но чаще на неё смотрели так, будто она уже была мертва, просто ещё об этом не знала.

Ненавистная жена генерала.

Хорошее, должно быть, было у Элирии прошлое, если даже сейчас, на грани беды, никто не спешил к ней с сочувствием.

Внутри неприятно кольнуло чужим чувством — смутной, давней обидой, почти детской, загнанной так глубоко, что она стала ядом. Алина резко выдохнула.

Не сейчас.

Коридор свернул налево, потом ещё раз. У двустворчатых дверей стояли четверо стражников. При виде Кайдена они распахнули створки, и в лицо Алине ударил тяжёлый запах крови.

Этот запах был знаком. Почти родной. И именно он почему-то помог ей окончательно собраться.

Большая спальня утопала в свете. Свечей здесь зажгли столько, что пламя отражалось в металле, стекле и мокром от пота лице лежащего на постели мужчины.

Рейнар Вархейм.

Даже раненый, он казался слишком большим для этой

комнаты.

Широкие плечи, чёрные волосы, разметавшиеся по подушке, жёсткая линия рта, резко очерченные скулы. На голой груди и перевязанном боку темнела кровь. Одеяло было отброшено. Кожа отливала не обычным теплом живого тела, а странным золотистым жаром, словно под ней тлели угли.

У изголовья стояли двое: юноша-слуга с тазом и женщина лет сорока в строгом платье, бледная, но собранная. Наверное, домоправительница или камеристка. Они оба резко повернулись на звук шагов.

И оба побелели, увидев Алину.

— Милорд, — тихо проговорила женщина, обращаясь к Кайдену, — что она здесь делает?

— То, что не должно вас касаться, — огрызнулся он.

Но Алина уже не слушала.

Она подошла к постели и, не спрашивая разрешения, наклонилась над раненым.

Рана была в правом боку, чуть ниже рёбер. Повязки насквозь промокли. Кровь сочилась не фонтаном, но упорно, медленно, опасно. Кожа вокруг была горячей. Дыхание — неровным, поверхностным. На виске выступил пот. Ресницы не дрогнули. Он был без сознания.

— Когда его ранили? — спросила Алина.

— Чуть больше часа назад, — ответил лекарь. Он уже подошёл ближе, и в голосе его, помимо скепсиса, зазвучало профессиональное напряжение.

— Кровь останавливалась?

— Ненадолго.

— Лезвие вынимали?

— Да.

Алина прикрыла глаза на секунду. Конечно вынимали. Потому что почти все так делают. Потому что кажется правильным немедленно вытащить нож, а не держать его, пока раненого не подготовят. Потому что в панике думают о железе, а не о сосуде, который оно может затыкать.

— Кто вынимал?

Молчание.

Кайдэн ответил первым, с вызовом:

— Я.

Она посмотрела на него и ничего не сказала. Не время.

— Он приходил в сознание?

— На несколько мгновений, — тихо сказала женщина у изголовья. — Потом снова ушёл. Жар поднимается.

Алина коснулась пальцами шеи генерала, нащупывая пульс.

Сильный. Но слишком быстрый.

Она склонилась ниже. Почувствовала жар его кожи, запах крови и мужского тела, услышала тяжёлое дыхание. На миг мелькнула нелепая мысль: этот человек должен был смотретья внушительно верхом на драконе, в доспехах, среди пламени и войска. Не так. Не беспомощно. Не под её ладонью.

Но сейчас он был просто пациентом.

А значит, живым.

— Все лишние — вон, — сказала Алина.

Женщина у изголовья оскорблённо вскинулась. Кайдена шагнул вперёд.

— Вы забываетесь.

— Нет. Это вы теряете время. Мне нужен воздух, пространство и тишина. Останется лекарь, тот слуга и... вы.

Она посмотрела на Кайдена.

— Вы достаточно сильны, чтобы удержать его, если придётся.

Он хотел возразить. Это было видно по его лицу. Но, возможно, впервые за весь этот безумный вечер кто-то приказал ему не из политической вежливости, а потому, что так было нужно. И в этой уверенности оказалось что-то, чему даже он не смог сразу воспротивиться.

Женщина вышла, поджав губы. Стража прикрыла двери.

Алина развернулась к слуге:

— Горячую воду. Много. Чистую ткань. Быстро.

К мальчишке будто вернулась способность двигаться, и он сорвался с места.

— Повязки снять, — велела она лекарю.

— Но кровотечение...

— Я вижу. Снимать.

Старик подчинился.

Алина вымыла руки в принесённой воде так тщательно,

как только могла в этих условиях, потом велела облить крепким вином иглы, ножницы и собственные пальцы. Лекарь наблюдал за ней с растущим изумлением, но, к его чести, не мешал. Только один раз пробормотал:

— Это бессмысленно...

— Нет, — отрезала она. — Это шанс, что он не умрёт от горячки, даже если переживёт ночь.

Кайден стоял у постели, скрестив руки на груди. Он не сводил с неё взгляда — тяжёлого, недоверчивого, злого. Но больше не спорил.

Когда повязки сняли, стало видно хуже.

Рана была неровной, глубокой. Удар нанесли не в лобовой схватке, а, скорее, сбоку, между движениями. Словно били быстро, точно и знали, куда. Кровь выступила свежо. Мышцы живота подрагивали. На коже уже начинало расплзаться воспалённое покраснение.

— Держите его плечи, — тихо сказала Алина.

Кайден нахмурился.

— Он без сознания.

— Пока.

Она взяла чистую ткань, смочила вином и осторожно приложила к краям раны.

Рейнар дёрнулся так резко, что даже кровать скрипнула.

Его глаза распахнулись.

Золотые.

Не карие с янтарным оттенком, не светло-медовые. Насто-

ящее густое золото, как расплавленный металл в жаровне.

На секунду Алина замерла.

В этих глазах не было ни слабости, ни мутности тяжело-раненого. Только боль, ярость и такая живая сила, что стало ясно: человек с таким взглядом не должен был никому принадлежать. И уж точно не ей.

Он рванулся, но Кайден навалился на него всем весом, удерживая за плечи.

— Тихо, — резко бросила Алина. — Если хотите жить — лежите смирно.

Глупая фраза. Почти смешная. Но она сработала.

Рейнар ещё несколько секунд смотрел на неё, дыша сквозь зубы, потом его взгляд сузился.

Он увидел её лицо.

Узнал.

Что-то тёмное, опасное мелькнуло в его зрачках.

— Ты, — выдохнул он.

Голос был низким, сорванным, но от него по коже почему-то пошёл холод.

— Да, я, — ответила Алина, не отводя глаз. — И у вас есть два пути: либо вы сейчас позволяете мне работать, либо умираете назло всем присутствующим.

Кайден ошеломлённо уставился на неё.

Лекарь тихо втянул воздух.

А у губ генерала вдруг дрогнуло что-то похожее не то на гримасу, не то на тень смеха.

— Наглая... — прохрипел он.

— Живая, — уточнила Алина. — В отличие от вас через четверть часа, если будете тратить силы на разговоры.

Он смотрел на неё ещё миг — долго, пристально, будто пытался пробить взглядом кожу, лицо, кости и добраться до самой правды, которую она сама не понимала.

Потом едва заметно кивнул.

Этого хватило.

Алина склонилась над раной, заставляя себя не думать ни о его глазах, ни о том, что на неё смотрят сразу двое мужчин, каждый готовый в любой момент счесть её чудовищем.

Работать.

Только работать.

Она очистила края раны, насколько это было возможно, быстрыми уверенными движениями. Кровь снова усилилась. Генерал зашипел сквозь зубы. Кайден удерживал его, и на виске у того выступила вена — то ли от напряжения, то ли от злости.

— Ещё ткань, — бросила Алина.

Слуга подал.

Лекарь, словно забыв о собственном статусе, уже сам следил за её руками и выполнял короткие распоряжения. В какой-то момент он несмело спросил:

— Вы хотите... сшить?

— А что, предлагаете читать над ним молитвы?

— В некоторых случаях они полезнее...

— Не в этом.

Рейнар шумно выдохнул. То ли от боли, то ли от смешка. Алина начала шить.

Не идеально — условия были дикие, игла непривычная, нити грубые, свет дрожал. Но руки помнили. Руки знали. Всё остальное в мире могло сойти с ума, но это — нет.

Прокол, стянуть, не слишком туго.

Ещё.

Ещё.

Держать края.

Следить за дыханием.

Не дать себе отвлечься на то, что под пальцами горячая кожа мужчины, которого, возможно, только что пытались убить его же люди. Или его жена. Или женщина, в теле которой она застряла.

— Кто нашёл его? — спросила Алина, не поднимая головы.

— Я, — ответил Кайден.

— Он был один?

— Да.

— А я?

Молчание.

— Вы стояли рядом, — сказал он наконец. — На коленях. Ваши руки были в крови. Нож лежал возле вас.

— Я держала рану?

— Возможно.

— Или вырывала нож, — жёстко отрезал он.

— Возможно.

Алина сделала ещё один стежок.

— Кто-нибудь видел сам удар?

— Нет.

— Значит, пока у вас только удобная версия.

— Удобнее не бывает.

— Для вас, — тихо сказала она.

Он ничего не ответил.

Когда последний стежок лёг на место, Алина на миг закрыла глаза. Не потому, что устала, хотя тело уже начинало дрожать от слабости. Потому что именно сейчас, на границе работы и страха, на неё наконец навалилось всё разом.

Она мертва.

Или была мертва.

Она в чужом теле.

В чужом мире.

В комнате, где от одного её неверного слова зависит, доживёт ли она до утра.

А её ладони всё ещё пахнут вином и кровью.

— Чистую повязку, — сказала она, заставляя голос не дрогнуть. — Менять часто. Если начнётся сильный жар — вода, прохлада, не кутать. Ему нужен покой. И никто не будет пускать сюда толпу рыдающих родственников, советников и идиотов с полезными мнениями.

Слуга едва не подавился смешком, тут же побледнел и

опустил голову.

Лекарь смотрел на неё почти растерянно.

— Кто вы? — вырвалось у него.

Вопрос повис в воздухе.

Алина медленно подняла на него глаза.

Хороший вопрос.

Но отвечать было нечем.

— Сейчас, — произнесла она, — я человек, который не дал вашему генералу истечь кровью на этой постели. Остальное обсудим потом.

Она отошла на шаг.

И в этот момент комната качнулась.

Слабость ударила неожиданно — видно, тело Элирии тоже уже давно было на пределе. В ушах зазвенело, свечи расплылись, пол поплыл в сторону. Алина бы упала, если бы чья-то рука не перехватила её за талию.

Тёплая.

Тяжёлая.

Слишком уверенная.

Она вздрогнула и вскинула голову.

Рейнар не спал.

Он приподнялся на подушках, бледный до синевы, с тенью боли у рта, но в сознании. Его ладонь держала её так крепко, будто он, ещё полумёртвый, всё равно оставался опаснее любого здорового мужчины в этой комнате.

Кайдэн шагнул вперёд, но генерал едва заметно качнул го-

ловой, останавливая.

Золотой взгляд Рейнара скользнул по её лицу медленно, пристально, почти беспощадно.

Словно он действительно видел больше, чем остальные.

Словно кровь, рана, ночь и покушение сейчас значили для него меньше, чем женщина перед ним.

— Кайден, — хрипло сказал он, не сводя глаз с Алины.
— Вон.

— Рейнар...

— Вон.

В этом голосе было столько власти, что спорить не посмел даже друг. Кайден стиснул зубы, кинул на Алину взгляд, обещавший неприятности, и вышел. Лекарь поколебался, поклонился и последовал за ним. Слуга исчез почти бегом.

Дверь закрылась.

Они остались вдвоём.

На секунду Алина остро, почти болезненно осознала, как близко стоит к его постели. Как тяжело его рука лежит у неё на талии. Как жарко в комнате. Как тихо стало без чужих голосов.

— Вам нельзя вставать, — сказала она первое, что пришло в голову.

Уголок его губ едва заметно дрогнул.

— Это вы уже говорили.

— Значит, не зря. Вы меня не слушаете.

— И всё же жив.

— Пока.

Он медленно отпустил её, но взгляда не отвёл.

Вблизи Рейнар оказался ещё опаснее, чем издалека. Не потому, что был красив — хотя красив был слишком. А потому, что в нём чувствовалась привычка побеждать и право не объясняться. Такие мужчины не просят, не оправдываются и не верят с первого слова.

А этот ещё и видел в ней что-то, чего не видели другие.

— Элирия никогда не стала бы спасти мне жизнь, — тихо сказал он.

У Алины пересохло во рту.

— Возможно, вы плохо знали свою жену.

— Возможно, — согласился он слишком легко. — Но я хорошо знаю её взгляд.

Она молчала.

Сказать было нечего. Солгать — бессмысленно. Бежать — некуда.

Рейнар чуть склонил голову, изучая её так, будто перед ним лежала карта вражеской крепости.

— Кто ты? — спросил он.

И в этих трёх словах не было бреда раненого, неуверенности или страха. Только спокойная, страшная точность человека, который привык докапываться до сути.

Алина почувствовала, как сердце один раз ударило слишком сильно.

За дверями ждал враждебный дом.

В зеркалах жило чужое лицо.

В памяти шевелились обрывки чужой жизни.

А перед ней лежал мужчина, которого она только что вытащила из смерти — и который первым понял самое невозможное.

Она медленно вдохнула.

И поняла, что эта ночь для неё только начинается.

Глава 2. Пациент, который должен был умереть

— Смотря в каком смысле, — сказала Алина и почти сразу мысленно выругалась.

Не потому, что ответ был плох. Наоборот — слишком живой для женщины, которую прижали к стене чужим именем, чужой кровью и чужим браком. Она услышала, как в тишине спальни эти слова прозвучали почти дерзко, и увидела, как в золотых глазах Рейнара мелькнуло нечто острое, похожее на мимолётное одобрение. Или интерес.

Это было ещё опаснее недоверия.

Он продолжал смотреть на неё, не моргая, будто на самом деле ждал не отговорки, а правды. Лицо у него оставалось бледным, под скулами залегли тени, дыхание было слишком тяжёлым для человека, который несколько минут назад едва не истёк кровью. И всё же даже сейчас, полусидя на сбитых подушках, он казался тем, кто задаёт вопросы, а не тем, кого допрашивают.

Таких мужчин, подумала Алина, лучше не обманывать вообще.

Жаль, что у неё не было другой возможности.

— Я — та, кто только что не дала вам умереть, — сказала она уже ровнее. — Для этой ночи разве мало?

Рейнар чуть прищурился. В его взгляде не было ни усталой благодарности, ни мягкости спасённого человека. Только внимательность хищника, который ранен, но всё равно сильнее любого в комнате.

— Для этой ночи, — медленно повторил он. — Возможно.

Голос его ослабел к концу фразы. Алина уловила это сразу, как улавливала когда-то у пациентов на выездах: тот момент, когда человек из упрямства ещё держит спину прямо, а организм уже начинает требовать своё. Она шагнула к постели и упёрлась ладонью в край матраса.

— Ложитесь.

— Вы всегда так распоряжаетесь мужчинами, леди Вархейм?

— Только теми, кто слишком упрям, чтобы заметить, что снова лезет в могилу.

На этот раз тень улыбки не привиделась — действительно дрогнула у его губ и исчезла. Но он всё же послушался: медленно опустился на подушки, не спуская с неё глаз. Когда движение потянуло защитый бок, по его лицу прошла короткая судорога боли. Он не застонал, не выругался, даже дыхание не сбил, но Алина увидела, как побелели пальцы на краю одеяла.

И увидела кое-что ещё.

Жар.

Не тот обычный жар тяжелораненого, которого трясёт после потери крови. Не лихорадку, что растёт исподволь. Здесь

было другое: кожа у него словно дышала горячим светом. На висках выступили капли пота, слишком быстро, почти мгновенно. Под ключицами, вдоль шеи, под прозрачной бледностью кожи будто проступали едва заметные золотистые тени, похожие на узор раскалённого металла под пеплом.

Алина нахмурилась.

— Что? — сразу спросил он.

— Молчите.

— Это не ответ.

— А это не приглашение к беседе.

Она наклонилась ближе, коснулась тыльной стороной пальцев его лба и тут же одёрнула руку: жар и правда был неестественным. Не просто сильным — неправильным. Как будто температура поднималась не в теле, а где-то глубже, под самой человеческой оболочкой.

Рейнар следил за ней с таким выражением, будто она только что полезла не к нему, а в запертую сокровищницу.

— Не нравится? — спросил он.

— Мне очень многое не нравится, — отрезала Алина. — Например, что после кровопотери вы не должны быть настолько горячим.

— Вы странная женщина, — тихо сказал он.

— А вы должны были уже спать, а не разговаривать.

Она потянулась к кувшину с водой на столике, налила в кубок и, не спрашивая, протянула ему. Он взял, но не отпил.

— Вы не ответили.

— На какой из вопросов? Их у вас сегодня слишком много.

— На главный.

Алина выдержала его взгляд. За окном темнела чужая ночь, на стенах плясали тени от свечей, за дверью шуршали шаги и глухо звякало оружие — дом не спал, дом ждал. А здесь, в центре этой тревоги, лежал мужчина, чья жизнь теперь была связана с её судьбой опаснее, чем любая клятва.

Сказать «я не ваша жена, я врач со скорой из другого мира» было бы честно.

И безумно.

Сказать «не знаю» — ещё хуже.

Поэтому она выбрала единственное, что не было ни признанием, ни прямой ложью.

— Я помню меньше, чем должна, — произнесла она. — И сейчас важнее не это.

Он молчал, будто примерял её слова на вес.

— Вы помните, кто ударил вас? — спросила она.

На секунду в его глазах проступила настороженность другого рода — уже не к ней, а к самой памяти.

— Нет.

— Совсем?

— Запах свечного дыма. Шаги за спиной. Боль. — Он поморщился, с трудом переводя дыхание. — И вас.

Это было плохо.

И то, как он это сказал, тоже было плохо. Без обвинения.

Без оправдания. Просто как факт, от которого нельзя отвернуться.

— Вы уверены, что видели меня до удара? — быстро спросила Алина.

— После.

— Тогда вы не можете знать, кто именно...

Она осеклась.

Под её пальцами, всё ещё лежавшими на краю постели, ткань вдруг дрогнула. Рейнар выгнулся едва заметно, но этого хватило, чтобы Алина снова повернулась к нему. Губы у него побледнели. На шее и у виска, как тонкая сеть под кожей, снова вспыхнул тот же золотистый рисунок — теперь чуть ярче, заметнее.

— Что с вами? — спросила она уже другим тоном.

— Ничего нового, — коротко бросил он.

Это был тот ответ, который мужчины дают врачам, когда собираются рухнуть через три минуты.

Алина поставила кубок обратно и резко распахнула верх повязки, не спрашивая разрешения. Рейнар втянул воздух сквозь зубы, но не остановил её. Края раны были чище, чем раньше, кровь почти не сочилась. И всё же кожа вокруг стежков странно покраснела — не равномерно, а тонкими, ломанными полосами, будто по живой ткани прошли невидимым раскалённым пером.

Она наклонилась ещё ближе.

От раны шёл слабый, едва уловимый запах. Не гнили, не

обычного воспаления, не крови.

Что-то пряное. Терпкое. Слишком чужое для человеческого тела.

Алина замерла, вспоминая.

На скорой не раз попадались отравления бытовой химией, тяжёлые аллергические реакции, инфекции, странные ожоги, на которые никто не обратил внимания вовремя. Она знала, как пахнет заражение, как ведёт себя воспалённая ткань, как меняется дыхание и цвет кожи. Но здесь всё не сходилось. Будто по ране ударили не только лезвием, а чем-то ещё — чем-то, что теперь разгоняло по телу этот ненормальный жар.

— Вас чем-то мазали после того, как ранили? — резко спросила она.

Рейнар нахмурился.

— Что?

— До того, как вы потеряли сознание. Вас касались? Перевязывали? Давали пить что-нибудь?

— Только после. Лекарь. Кайдэн. Домашние. — Он посмотрел на неё внимательнее. — Почему вы спрашиваете?

Потому что ты не должен гореть изнутри так быстро, подумала Алина.

Потому что это больше похоже не на обычную рану, а на попытку добить наверняка.

И потому что если она права, то человек, устроивший покушение, очень хорошо знал, как убивать.

— Потому что ваш организм ведёт себя так, будто ему мешают выжить, — сказала она вслух.

Рейнар не изменился в лице, но золотые глаза потемнели.

— Говорите яснее.

— Рана опасная. Но не только рана. Я не могу пока сказать точно, что именно... — Она заставила себя не торопиться и не уходить в медицинские объяснения, которые здесь никому бы не помогли. — Скажем так: удар был рассчитан не на случай.

Он долго молчал.

Потом медленно произнёс:

— Я и не считал это случайностью.

За дверью слышались голоса. Один из них принадлежал Кайдену — сдержанный, жёсткий, раздражённый. Другой, глуховатый, дребезжащий, Алине не был знаком. Рейнар едва заметно повернул голову к двери и тут же поморщился.

— Лежите спокойно, — сказала она.

— Вы ужасно любите приказывать.

— Вы ужасно любите спорить, даже когда умираете.

— Уже не умираю. Благодаря вам.

Фраза была произнесена спокойно, почти сухо. Но в ней прозвучало что-то опасное: не благодарность, а признание факта, который менял расстановку сил. Он знал, что обязан ей жизнью. Она знала, что он это знает. И оба понимали, что с этого момента любое движение станет вдвойне сложнее.

Алина отвела взгляд первой и пошла к двери.

— Куда вы? — сразу спросил он.

— К вашему лекарю.

— И вы думаете, я отпущу вас после такого ответа?

Она обернулась.

— После какого?

— После того, в котором слишком много пустых мест.

— После того, где я спасла вас? — тихо уточнила она. —

Или после того, где говорю, что кто-то хотел довести дело до конца?

На этот раз он не нашёл, чем ответить сразу. Только смотрел на неё, как на неразгаданную задачу.

Алина распахнула дверь прежде, чем он успел запретить.

Кайден стоял почти вплотную, будто собирался ворваться внутрь и едва держал себя в руках. Рядом — седой мужчина в тёмно-зелёном плаще, с тяжёлой печаткой на пальце и лицом человека, привыкшего распоряжаться чужими судьбами не хуже военачальника. За ними, чуть поодаль, мят руки главный лекарь.

Кайден перевёл взгляд с неё на кровать за её плечом.

— Он жив?

— К вашему неудовольствию, — устало ответила Алина.

— К моему — к счастью, — процедил он. — Но если вы решили, что один удачный стежок даст вам право...

— Где ваша лечебная комната? — перебила она.

Он замолчал так резко, будто налетел на стену.

— Что?

— Место, где хранятся перевязочный материал, настои, инструменты, всё, чем обычно лечат. Мне нужно это увидеть.

— Вам ничего не нужно видеть, — отрезал он. — Вы и так уже слишком многое...

— Милорд Кайден, — вмешался главный лекарь неожиданно быстро, — быть может...

— Нет, мастер Орвин, не “быть может”.

Алина перевела взгляд на лекаря.

— Вы обрабатывали рану сами?

Старик нахмурился.

— Разумеется.

— Чем?

— Настояем кровоцвета, винным очищением и притиранием от жара.

— Притиранием из чего?

Он недоумённо моргнул, потом ответил неувереннее:

— Из корня серебряной лилии, сухого мха и... стандартного сбора для ран воинов-драконов.

Что-то в последних словах кольнуло Алину.

— Для воинов-драконов?

— Да, миледи. Чтобы удержать жар крови и не дать силе сорваться.

Вот оно.

Не просто человек. Дракон. И, значит, тело, возможно, реагирует на рану не так, как человеческое.

Но всё равно — не настолько.

— Принесите этот сбор, — сказала она.

Кайден коротко рассмеялся, на этот раз уже в открытую, с явным раздражением.

— Вы собираетесь учить мастера Орвина его ремеслу?

Алина медленно повернула голову к нему.

— Я собираюсь понять, почему у вашего генерала жар растёт слишком быстро, будто кто-то не просто ранил его, а заранее позаботился о том, чтобы он не пережил эту ночь.

Слова упали между ними тяжело и гулко.

Лицо Кайдена мгновенно стало жёстким.

Седой мужчина в зелёном плаще прищурился.

А мастер Орвин побледнел так заметно, что даже свечной свет этого не скрыл.

— Что вы хотите этим сказать? — тихо спросил незнакомец.

Голос у него был мягкий, но именно такой тон обычно опаснее крика.

Алина поняла, что перед ней не слуга и не дальний родственник. Кто-то из тех, чьё слово в этом доме стоит дорого.

— Пока только то, что сказала, — ответила она. — Жар не похож на обычный. Мне нужно увидеть всё, чем касались раны. И быстрее.

— Вы ставите под сомнение лечение дома Вархеймов? — уточнил незнакомец.

— Я ставлю под сомнение всё, что сегодня произошло,

— холодно сказала Алина. — И советую вам делать то же самое, если жизнь генерала действительно вам важна.

Несколько ударов сердца никто не шевелился.

Потом из комнаты за её спиной донёсся низкий, уже ослабевший, но всё равно властный голос:

— Впустите их.

Кайден первым вошёл в спальню, седой мужчина — следом. Мастер Орвин задержался на пороге, будто не хотел приближаться к постели после сказанного. Алина отошла в сторону, давая пройти, и только теперь заметила, как дрожат её пальцы. Не от страха — от усталости. Тело Элирии словно шаг за шагом расплачивалось за каждое резкое движение.

Седой мужчина склонил голову перед Рейнаром, но не слишком низко.

— Милорд.

— Дядя Арден, — ровно отозвался Рейнар.

Дядя. Значит, член семьи. И, судя по тому, как держится, не самый последний.

Арден перевёл взгляд на Алину. В его глазах не было той яркой, почти личной ненависти, что у Кайдена. Его взгляд был хуже — холодный, расчётливый, оценивающий.

— Леди Вархейм утверждает, что покушение было подготовлено тщательнее, чем кажется.

— Леди Вархейм, — слабее, но чётче поправил Рейнар, — утверждает, что я всё ещё могу умереть, если вы будете тратить время на разговоры.

Кайден стиснул зубы.

— Ты веришь ей?

— Я верю собственному телу, — ответил генерал. — Оно горит.

На последнем слове его дыхание сорвалось, и Алина тут же подошла ближе. Теперь жар чувствовался уже на расстоянии. По линии его шеи золотистый узор проступил явственнее, тонкими живыми трещинами света под кожей.

Арден увидел это тоже. Лицо его впервые дрогнуло.

— Орвин.

Лекарь выступил вперёд.

— Милорд, это реакция крови. При тяжёлых ранах у драконов...

— Не лгите мне, — тихо сказал Рейнар.

И вот тогда мастер Орвин по-настоящему испугался.

Алина заметила это сразу: как он отступил на полшага, как рука дрогнула у рукава, как взгляд скользнул в сторону шкатулки с лекарствами, принесённой слугой и оставленной на столе. Слишком быстро. Слишком невольно.

Она подошла к столику раньше, чем кто-либо её остановил, и распахнула шкатулку.

Внутри лежали склянки, мешочки, свёртки в вощёной ткани, маленькая ступка, нож, связки сушёных трав. Почти ничего понятного на первый взгляд — чужой мир, чужие названия, чужое ремесло. Но запахи она различала.

Вино.

Сухие травы.

Что-то древесное.

Что-то резкое, горькое.

И ещё одно.

Тот самый терпкий, пряный след, который она уже уловила у раны.

Алина взяла маленькую тёмную баночку, открыла, осторожно понюхала — и сразу отстранила от лица.

— Это.

Орвин побледнел ещё сильнее.

— Притирание от жара, миледи.

— Это вы наносили на рану?

— Да, но...

— Зачем?

— Так полагается после боевых ран у драконов.

Она обернулась к Рейнару.

— Вам раньше использовали такое?

Он смотрел не на баночку, а на лицо лекаря.

— Нет.

Одно слово. Спокойное. Почти бесстрастное.

Но после него воздух в спальне стал ледяным.

— Объяснитесь, Орвин, — приказал Арден.

Лекарь облизнул губы.

— Милорд, состав был прислан из столичной лечебницы.

С пометкой, что он лучше удерживает жар силы. Я не видел причин...

— Кто прислал? — перебил Рейнар.

— Подпись была неразборчива, я... я могу показать...

— Позже, — жёстко сказала Алина. — Сейчас это нужно убрать.

Кайден шагнул к ней мгновенно.

— Вы даже не знаете, что это.

— Зато я знаю, как ведёт себя тело человека, когда ему становится хуже после “лечения”.

— Он не человек, — бросил Кайден.

— А я не идиотка, — парировала она. — И вижу, что это не помогает.

Кайден застыл. Наверное, не только от её слов, сколько от того, как они прозвучали — без привычного для Элирии яда, без истерики, без игры. Жёстко. По делу. Рейнар тоже это услышал — Алина поняла по тому, как изменился его взгляд.

Он всё запоминал.

Каждую интонацию.

Каждое отличие.

Это пугало сильнее, чем Кайден.

— Что вы предлагаете? — спросил Арден.

Алина повернулась к столу, быстро перебрала то, что лежало в шкатулке, нашла чистое масло, ткань, воду. В голове лихорадочно строилась схема — не идеальная, но рабочая. Нужно было убрать всё подозрительное с кожи, сбить жар, не дать ему сорваться в бред, а дальше смотреть по реакции.

— Сначала смыть это с раны и кожи вокруг, — сказала она. — Осторожно, но полностью. Потом холодные компрессы на шею, запястья и грудь. Не ледяные, просто прохладные. И держать его в сознании, пока жар не спадёт хотя бы немного.

— Держать в сознании? — переспросил Кайден. — Вы издеваетесь? Он едва стоит на этой стороне смерти.

— Тем более, — сказала Алина. — Если он уйдёт слишком глубоко, вы не поймёте, когда станет поздно.

Рейнар смотрел на неё так, будто не мог решить, кем именно она является — его удачей или новой бедой.

— Делайте, — приказал он.

И в этот раз Кайден всё-таки не выдержал.

— Рейнар, ты не можешь всерьёз доверять ей! Она была рядом с тобой, когда тебя нашли. Она изменилась за одну ночь. Она говорит так, будто выросла не в этом доме, не в этом мире, не среди нас...

Последние слова сорвались слишком резко.

В спальне повисла тишина.

Арден медленно перевёл взгляд на Кайдена.

Мастер Орвин втянул голову в плечи.

Алина почувствовала, как внутри всё на миг замерло.

Слишком близко.

Слишком верно.

Но Рейнар не посмотрел на Кайдена. Он смотрел только на неё.

— Именно поэтому, — тихо сказал он, — мне особенно интересно, что будет дальше.

От этих слов по спине Алины прошёл холодок.

Не угроза. Пока ещё нет.

Но обещание.

Она сжала пальцы на краю простыни и заставила себя работать. Они с Орвином смывали подозрительный состав с кожи генерала, и старик теперь подчинялся почти бессловесно — то ли от страха, то ли потому, что сам уже начал сомневаться. Кайден мрачно держал миску с водой, с таким лицом, словно мечтал утопить в ней сначала Алину, потом весь дворец. Арден стоял в стороне, наблюдая и не вмешиваясь. Это было хуже всего: люди, которые молчат и смотрят, обычно делают самые опасные выводы.

Когда прохладная ткань коснулась шеи Рейнара, он резко втянул воздух. По его коже на миг снова пробежала золотая сеть, а потом — впервые с начала этой новой вспышки — начала медленно тускнеть.

Алина заметила это первой.

— Ещё воды, — сказала она быстро. — И окно приоткрыть.

— Он простынет, — машинально возразил Орвин.

— Он сейчас горит, а не мёрзнет.

Кайден распахнул створку так резко, что в комнату ворвался ночной воздух. Пламя свечей качнулось. Запах крови смешался с сырой прохладой сада и камня.

Рейнар закрыл глаза. Линия его рта всё ещё была жёсткой, но дыхание стало чуть ровнее.

Алина не позволила себе облегчения. Слишком рано.

Она меняла компресс, следила за цветом кожи, за тем, как он реагирует на прикосновения, не возвращается ли тот странный внутренний жар. В какой-то момент почувствовала на себе взгляд и подняла голову.

Рейнар смотрел прямо на неё.

Не мутно, не сквозь слабость.

Осознанно.

— Вы дрожите, — сказал он.

Алина только теперь заметила, что действительно дрожит: пальцы, плечи, даже колени. Сил в этом теле почти не осталось, а ночь и не думала заканчиваться.

— Ничего страшного, — ответила она.

— Лжёте, — спокойно сказал он.

Кайдэн бросил на неё резкий взгляд, будто хотел убедиться, что и правда сейчас упадёт. Арден тоже заметил её бледность. И, к собственному раздражению, Алина поняла: она больше не выглядит пугающей леди-отравительницей. Скорее женщиной, которая вот-вот рухнет рядом с кроватью.

Это было опасно по-своему. Слабых в чужом доме не щадят.

Она выпрямилась.

— Лучше скажите, жар раньше поднимался у вас так быстро?

— Нет.

— После ранений вообще бывало что-то подобное?

— Нет.

— Тогда запоминайте, — сказала она. — Это не случайность.

Арден подошёл ближе.

— Вы утверждаете это слишком уверенно.

— Я вижу реакцию на коже и чувствую запах от того состава, который использовал ваш лекарь. Мне не нужно знать все названия местных трав, чтобы понять: после него стало хуже.

Орвин дёрнулся, будто его ударили.

— Я не желал вреда!

— А я и не сказала, что желали, — устало отозвалась Али-на. — Но кто-то очень хотел, чтобы вы этим воспользовались.

Арден обменялся с Рейнаром долгим взглядом. Молчаливым. Семейным. Опасным.

— Все баночки, свёртки и письма из этой шкатулки будут немедленно опечатаны, — сказал он наконец. — Орвин, никто не войдёт в вашу лечебную без моего разрешения. Кайден...

— Уже, — отозвался тот мрачно. — Я поставлю людей.

— И ещё, — тихо, но жёстко добавил Арден, глядя на Алину. — До выяснения обстоятельств леди Вархейм тоже не покинет это крыло.

Кайден будто даже удовлетворённо выдохнул.

Но прежде чем Алина успела понять, что чувствует по этому поводу — облегчение, страх или раздражение, — с кровати раздался голос Рейнара:

— Не “до выяснения”.

Все обернулись к нему.

Он уже не выглядел таким мертвенно-бледным, как четверть часа назад, хотя слабость никуда не делась. На скулах проступил цвет, жар на коже чуть отступил, а взгляд стал только твёрже.

— Никому, — медленно произнёс он, — не выпускать её из моего крыла.

Кайден нахмурился.

— Рейнар...

— Это приказ.

Арден вскинул бровь.

— Ты хочешь держать рядом женщину, которую половина дома считает твоей убийцей?

— Я хочу держать рядом женщину, — ответил Рейнар, не сводя взгляда с Алины, — которая за одну ночь спасла мне жизнь дважды. И которая, похоже, знает о случившемся больше, чем сама понимает.

У Алины пересохло во рту.

Комната вдруг стала слишком тесной.

Кайден смотрел на неё так, словно приказ генерала был худшей новостью за всю ночь. Орвин — с суеверным ужасом.

Арден — с расчётом, в котором уже проступала новая игра.

А Рейнар смотрел так, будто только что не запер её, а положил первую печать на нечто куда более серьёзное, чем вынужденное соседство.

— Вы хотели остаться рядом с пациентом, — сказал он тихо.

И только она одна услышала в этих словах двойное дно.

— Вот и оставайтесь, леди Вархейм.

Глава 3. Невольная жена

Слова Рейнара ещё висели в комнате, когда Алина вдруг остро почувствовала, насколько хрупким оказалось её положение.

Не свобода — её у неё не было с той минуты, как она открыла глаза в чужой спальне.

Не оправдание — до него было далеко.

А именно положение: тонкая, почти невидимая грань между женщиной, которую уже можно тащить в подземелье, и женщиной, к которой пока ещё опасно прикасаться без приказа хозяина дома.

И сейчас эта грань проходила через постель раненого генерала.

Кайдэн смотрел так, словно хотел спорить и понимал, что не может. Арден — так, будто мысленно переставлял фигуры на доске, где Алина только что из пешки стала чем-то менее удобным и более непредсказуемым. Орвин прятал глаза. А Рейнар, откинувшись на подушки, был бледен, ослаблен, но всё равно держал комнату одним взглядом.

Даже раненый, он оставался человеком, вокруг которого строились чужие решения.

— Это неразумно, — первым нарушил тишину Арден.

Голос у него был мягким, но Алина уже успела понять: мягкость у таких мужчин — не доброта, а дорогая обивка на

двери, за которой лежит железо.

— Она под подозрением, — продолжил он, не сводя глаз с Рейнара. — И как минимум половина дома убеждена, что именно её нашли рядом с тобой не случайно.

— Половина дома, — устало сказал Рейнар, — слишком часто думает вместо того, чтобы видеть.

— А ты сейчас видишь недостаточно ясно, — отрезал Арден. — Ты потерял много крови.

Кайден дёрнулся, будто собрался поддержать, но промолчал.

Рейнар медленно повернул голову к дяде. В этом движении уже чувствовалась цена — короткая тень боли прошла по его лицу, и Алина заметила, как напряжённо дрогнули мышцы шеи. Но когда он заговорил, голос всё равно остался ровным:

— Поэтому я и не доверяю дому. Только тому, что можно держать перед собой.

Его взгляд скользнул к Алине.

Не обвиняюще.

Не защищающе.

Просто жёстко и прямо.

Будто он и впрямь предпочитал опасность на расстоянии вытянутой руки опасности, которую не видно.

Арден это понял тоже. На скулах у него проступила едва заметная тень раздражения.

— Тогда хотя бы объясни, — сказал он. — Зачем тебе

держат здесь её, если уже сегодня утром весь дворец заговорит, что ты спрятал собственную жену после покушения?

— Не спрятал, — сухо поправил Рейнар. — Оставил при себе.

— Разница не сделает историю менее дурной.

— Зато сделает её полезной.

Теперь уже Алина повернулась к нему резко.

Полезной?

Она успела привыкнуть к мысли, что её тут ненавидят, боятся, подозревают. Но не к тому, что её могут ещё и использовать вслух, у всех на глазах, так спокойно, будто речь идёт о печати на документе или передислокации стражи.

Кайден тоже уловил это слово.

— Рейнар, — сказал он глухо, — не смей.

Впервые за всё время в его голосе прозвучала не только злость. Ещё и предупреждение. Почти просьба.

Рейнар чуть прикрыл глаза.

— Выйдите все, — приказал он.

— Нет, — отрезал Кайден мгновенно.

Алина бы даже удивилась, если бы в комнате не стало так тихо. Слово прозвучало резко, почти грубо, но не как бунт вассала против господина. Скорее как срыв человека, который слишком много лет стоял рядом и слишком часто видел, чем заканчиваются подобные упрямства.

Кайден шагнул ближе к постели.

— Я уже оставил вас наедине один раз, — произнёс он.

— И этого более чем достаточно.

— Ты оставил меня наедине с той, кто зашил мне бок и не дала сгореть заживо, — спокойно сказал Рейнар. — Мог бы быть признательнее.

— Мог бы, — сквозь зубы согласился Кайден. — Если бы не видел, как она смотрит, говорит и двигается так, словно её подменили прямо у меня на глазах.

У Алины похолодели пальцы.

Арден не вмешивался. Только переводил взгляд с одного на другого, и именно это было хуже всего: он не тратил сил на спор, он собирал факты.

— Кайден, — тихо сказал Рейнар.

В этом тоне не было ни крика, ни угрозы. Но после него друг генерала застыл.

— Вон.

На этот раз Кайден не спорил сразу. Только посмотрел сначала на Алину, потом на Рейнара. Во взгляде было столько недоверия, злости и чего-то почти личного, что Алине на секунду стало не по себе. Не потому, что он её ненавидел — к этому она уже начала привыкать. А потому, что в этой ненависти слишком ясно слышалось: он боится за Рейнара так, как боятся только очень близкие люди.

Арден поклонился едва заметно.

— Если тебе станет хуже, я буду в соседней гостиной.

— Если мне станет хуже, — отозвался Рейнар, — она скажет об этом раньше вас.

Это был не комплимент. Не защита.

Просто очередной факт, который всем здесь приходилось проглотить.

Они вышли. Орвин — последним, почти боком, как человек, который мечтает исчезнуть из чужой беды до того, как беда вспомнит его имя. Дверь закрылась. Щёлкнул замок или показалось — Алина не поняла.

Они снова остались вдвоём.

Ночь за окном успела стать глубже. Сад за распахнутой створкой тёмным пятном уходил в холодную черноту, и сырой воздух понемногу вытеснял запах крови, свечей и лекарств. В комнате стало легче дышать. Или, может, просто тише.

Алина не шевелилась.

Она устала так, что ноги подрагивали, а в висках звенело. Но садиться без приглашения не стала. И подходить ближе — тоже.

— Полезной? — переспросила она наконец.

Рейнар смотрел на неё пристально, как смотрят на то, что всё ещё не решили — оружие это, ловушка или неожиданная удача.

— Вы слышали.

— Услышала. Но не уверена, что мне понравился смысл.

— А вам обязательно должно нравиться?

— Желательно, если речь идёт о моей шее.

Уголок его губ чуть дрогнул. Почти незаметно. Но после

этой ночи Алина уже начала различать у него такие вещи: мимолётную насмешку, вспышку раздражения, тень боли, которые другой человек пропустил бы.

— Ваша шея, — сказал Рейнар, — останется на месте, пока вы мне нужны.

— Удивительно обнадеживающе.

— Не люблю лгать.

Это прозвучало так спокойно, что Алине захотелось или рассмеяться, или запустить в него чем-нибудь тяжёлым. Она ограничилась тем, что сложила руки на груди — движение вышло чуть резче, чем следовало.

— Хорошо. Тогда и я не стану. Мне совершенно не нравится быть запертой в крыле человека, которого все считают моей жертвой.

— Не все.

— Достаточно многие.

— Это не меняет сути.

— Суть, милорд, в том, что вы только что велели держать меня здесь, будто ценную улику. Или личную игрушку. Я пока не решила, что оскорбительнее.

В золотых глазах что-то мелькнуло. Не гнев. Скорее одобрение опасной формы.

— Не игрушку, — сказал он.

— Какое облегчение.

— Жену.

Слово ударило тише, чем мог бы крик, и куда больнее.

Алина замерла.

О да. Она успела забыть об этом за кровью, иглами, ожоговым жаром и чужой смертью, которая всё никак не наступала. Не переставала понимать — забыть не могла. Но ото-двинула. Как отодвигают неотложное, если рядом есть ещё более срочное.

Жену.

Чужое кольцо на пальце вдруг стало тяжелее.

— Вашу жену, — медленно повторила она. — По-моему, весь дворец старательно делает вид, что этого брака не существует.

— Дворец много чего старательно делает, — сухо сказал Рейнар. — Но брак существует.

— Для вас?

— Для закона. Для рода. Для тех, кто только и ждёт повода объявить мой дом слабым. Этого достаточно.

Алина смотрела на него молча.

Вот оно.

Не романтика. Не внезапное доверие. Не прихоть раненого мужчины, которому взбрело держать подозреваемую поближе.

Политика.

Род.

Дом.

Имя.

Она знала эту логику, хотя никогда не жила среди титулов

и гербов. Просто в любой системе, где у людей есть власть, всегда найдётся момент, когда живой человек становится не только собой, но и знаком, флагом, формальностью, рычагом. На скорой таким рычагом могла быть бумага, подпись, отказ от госпитализации. Здесь — жена генерала.

— И если вашу жену повесят за покушение, — тихо сказала она, — это будет выглядеть как?

Он ответил сразу:

— Как признание, что мой дом проглядел заговор у себя под носом. Что враги подобрались ближе, чем должны были. Что жена генерала могла поднять руку на мужа — и никто этого не заметил. Или что её подставили — и это тоже никто не заметил. Любой из вариантов делает меня слабее.

Слабее.

Он произнёс это без горечи, без самолюбивого раздражения. Просто как человек, привыкший оценивать урон трезво.

Алина опустила взгляд на свои пальцы. На чужое кольцо. На тонкое запястье, где кожа всё ещё хранила память о браслетах, которых на ней сейчас не было.

— Значит, вам нужна не я, — сказала она. — Вам нужна жена.

— Сейчас вы и есть она.

Фраза прозвучала страшно именно своей простотой.

Алина медленно подняла глаза.

— Вы так легко это говорите.

— А вы думали, я стану облегчать вам правду?

— Я думала, вы хотя бы уточните, какую именно женщину собираетесь держать рядом: ту, что была до этой ночи, или ту, которую видите сейчас.

На этот раз молчание затянулось дольше.

Рейнар не отвёл взгляда. Боль снова потянула черты его лица, но он даже не пошевелился. И в этом неподвижном, внимательном молчании было столько напряжения, что Алина почти физически почувствовала, как между ними натягивается ещё одна невидимая нить.

— Если бы я считал вас прежней Элирией, — сказал он наконец, — вы бы уже сидели под стражей внизу. Не здесь.

— Какая честь.

— Не честь. Проблема.

— Для кого?

— Для обоих.

Её сердце один раз ударило слишком сильно.

Вот теперь это было честно.

Не доверие.

Не симпатия.

Проблема.

Но уже общая.

Алина медленно подошла к окну, остановилась у распахнутой створки и позволила холодному воздуху коснуться лица. Сад внизу пах мокрой землёй, камнем и чем-то ночным, густым, что здесь, в этом мире, называлось, наверное, иначе,

но всё равно оставалось тем же — дыханием тёмной земли перед рассветом.

— Предположим, — сказала она, не оборачиваясь, — я соглашусь сидеть здесь тихо и играть в вашу жену, пока вы не оправитесь. Что потом?

— Потом посмотрим, кто из нас доживёт до этого “потом”.

— Вы невыносимо обнадёживающий человек.

— А вы, как я заметил, всё ещё здесь.

Она обернулась.

— Не по своей воле.

— Разве?

Вопрос был брошен негромко, но попал точно.

Конечно не по своей, хотела сказать Алина.

Конечно, её никто не спрашивал — ни когда она умерла в машине скорой, ни когда проснулась в чужом теле, ни когда оказалась над раненым генералом с руками в крови, ни когда он приказал запереть её в своём крыле.

Но если убрать всё лишнее, останется ещё одна правда.

Она действительно не могла уйти.

Не только потому, что за дверью её, возможно, ждали обвинения и верёвка. И не только потому, что Рейнар всё ещё оставался тяжёлым пациентом. А потому, что именно рядом с ним, в сердце этой беды, у неё был хоть какой-то шанс понять, кто такая Элирия, что случилось в галерее и почему её собственная новая жизнь началась с чьего-то покушения.

— Вы хотите договор, — сказала она.

— Наконец-то.

— Я хочу условия.

— Говорите.

Она подошла ближе. Не вплотную — настолько, чтобы видеть его лицо без полумрака, но не чувствовать кожей тепло его тела. Теперь, когда опасный жар немного отступил, он выглядел не мягче, а только яснее. Резче. Сильнее. И как-то особенно несправедливо красиво для человека, который привык превращать даже слабость в инструмент.

— Во-первых, — сказала Алина, — меня не тащат на допрос посреди ночи и не бросают в подвал “до выяснения”.

— Это и без того уже не случится.

— Во-вторых, мне не мешают следить за вашим состоянием.

— Пока вы действительно следите, а не ищете удобный момент добить — не мешают.

— Какое трогательное доверие.

— Экономьте язвительность. Вам она ещё пригодится.

— В-третьих, — продолжила Алина, будто не слышала, — если кто-то снова попытается вас убить, вы не скрываете от меня то, что может быть важным. Ни письма. Ни странные визиты. Ни старые семейные тайны, о которых все предпочитают молчать.

— Это уже не одно условие.

— Значит, считайте пакетом.

Он смотрел на неё несколько секунд, потом очень медленно кивнул.

— Принимается. Теперь мои.

Алина внутренне собралась.

— Первое. Вы останетесь в этом крыле и не попытаетесь бежать, даже если решите, что нашли удобную лестницу, окно или достаточно глупого слугу.

— Впечатляюще низкое мнение обо мне.

— Я предпочитаю не ошибаться в опасных людях.

Он сказал это без издёвки.

Опасных.

Интересно, он тоже уже отнёс её к таким?

— Второе, — продолжил Рейнар. — На людях вы останетесь Элирией. Ни провалов в памяти, ни странных признаков, ни внезапной честности.

— Вам так важно, чтобы все продолжали считать меня вашей прежней женой?

— Мне важно, чтобы они не начали задавать вопросы, на которые у нас нет ответов.

У нас.

Слово прозвучало мимоходом. Но Алина всё равно его услышала.

— И третье?

— Вы не солжётё мне в том, что касается этой ночи.

— Я и так не знаю всего.

— Тогда не лгите тем, что знаете.

Она хотела ответить резко, но не смогла.

Потому что именно это условие оказалось самым трудным. Не побег. Не игра в чужую роль. Не чужое имя.

А честность перед человеком, который и без слов чувствовал: перед ним не та женщина, на которой он женился.

Алина отвела взгляд первой.

— Хорошо.

— Хорошо? — переспросил он тихо.

— Да. — Она заставила себя посмотреть на него снова. — Но у меня тоже есть ещё одно условие.

— Смело.

— Когда вы снова полезете вставать с постели, делать это будете только после моего разрешения.

Тишина продержалась одно мгновение.

Потом у него всё-таки дрогнули губы — на этот раз явственное.

— А вы уверены, что не командуете моей армией?

— Пока нет.

— Жаль.

Это прозвучало так неожиданно сухо и живо, что она почти не сдержала ответную усмешку. Почти.

И именно в эту секунду на её запястье вспыхнула боль. Резкая. Не режущая — обжигающая.

Алина вздрогнула и инстинктивно схватилась за руку.

Под кожей, чуть выше кисти, проступал свет.

Сначала тонкий, как нить под снегом.

Потом — ярче.

Она отдернула рукав и увидела браслет.

Не тот, что можно было снять или расстегнуть. Золотистый узкий обод, словно выросший прямо из света на коже. Тонкий рисунок шёл вокруг запястья, переплетаясь в крошечные знаки, которых она не знала, но почему-то сразу почувствовала в них что-то древнее и безжалостно точное.

Рейнар сел слишком резко.

На этот раз боль всё же пробила его лицо, но он будто не заметил.

На его собственной левой руке, там, где раньше Алина не видела ничего, вспыхнул точно такой же свет.

Несколько ударов сердца они молча смотрели друг на друга.

Потом он сказал очень тихо:

— Нет.

Это было первое слово за всю ночь, в котором прозвучало не просто напряжение, а настоящий, холодный гнев.

— Что это? — спросила Алина.

— Поздно, — отрезал он.

— Что значит поздно?

Он опустил взгляд на браслет, и золотой свет отразился в его глазах так, что на миг стало ясно: этот мужчина знает о случившемся куда больше, чем хотел бы признать.

— Наш брак, — сказал он, — был скреплён клятвой рода.

Алина не шевельнулась.

— И?

— И клятва спит, пока союз формален. Она просыпается только в одном случае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.